

РОССИЯ ПОЗНАЕТ РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

А. А. Ахматова во второй половине 1950-х годов с радостным изумлением свидетельствовала: "Вот что значит великая страна. От них все упрятали, а они все открыли". Запреты на упоминание и умолчания официальной пропаганды не могли вытравить из народной памяти важные исторические сюжеты. Л. К. Чуковская в своей книге "Процесс исключения" с удивлением отмечала: "В нашей стране противостоит лжи и фальсификации стойкая память, неизвестно кем хранимая, неизвестно на чем держащаяся, но упорная в своей кротовой работе". И хотя государственный аппарат как правило проделывает огромную работу для того, чтобы "сделать бывшее небывшим", посредством умышленного умолчания "заталкивает прошедшее в небытие", надеясь на то, что "сначала наполовину, потом на четверть, на одну десятую; потом пострадавшие и свидетели вымрут, а если вовремя заткнуть рот прессе (благо у всей нашей прессы рот один!), то новые поколения толком ничего и не узнают, и не осмыслят, и не выведут для себя из истории отцов и дедов никакого урока".

Среди тем, закрытых для граждан СССР, долгое время находилась жизнь Российского Зарубежья. Раскол страны после 1917 года на красных и белых, их взаимное отчуждение в период кровопролитной и братоубийственной гражданской войны привели к существованию, как тогда говорили, России-I, советской, и России-II, эмигрантской. И если в начале 1920-х годов еще допускались контакты между ними, с позволения большевистского руководства разрешались, например, поездки в Зарубежье, то по мере усиления закрытости советского общества поддерживать связи с эмигрантами становится равносильным "предательству интересов рабоче-крестьянского государства". Поэтому советские граждане всеми силами пытались многие десятилетия "забыть" своих родных, близких и друзей, оказавшихся в рассеянии.

Мне пришлось лишь буквально в последние годы узнать о том, о чем в нашей семье до этого никогда не говорили. Оказалось, что у моего деда, Павла Николаевича Чевганюка, были сестры Надежда Николаевна Шевазуцкая, Нина Николаевна Чевганюк, Клавдия Николаевна Глейзер. Дед знал, что они эмигрировали с мужьями в Германию, но во всех многочисленных анкетах писал: "Связи не имею". Написать иначе он не мог, ибо упоминание о родственниках за границей могло крайне негативно сказаться на судьбе гражданина СССР и всех его близких.

В подобной ситуации оказались и историки. Со второй половины 1920-х годов упоминания о существовании Зарубежной России исчезли из трудов обществоведов. В памяти народа не должны были остаться миллионы наших соотечественников, по разным причинам и разными путями покинувших родину в первой трети XX века. Но вторая мировая война заставила вспомнить о существовании соотечественников за рубежом, ибо многие из них боролись с гитлеризмом, помогали при возможности Красной Армии, когда другая часть российского рассеяния надеялась на свержение большевиков при помощи гитлеровцев. Возможно, что проявлением того же процесса вынужденного "вспоминания" в СССР явилось в те же годы усиление внимания к православной церкви, к отдельным героическим страницам русской истории. На волне патриотической эйфории возродилось возвращенчество в среде представителей российского рассеяния. Сегодня мы знаем, что для многих вернувшихся на родину советская власть приготовила мучительную судьбу политзаключенных. Через чекистские круги ада прошли и те россияне, которые по договоренности между союзниками антигитлеровской коалиции были насильственно возвращены в Советский Союз. Судьба многих русских эмигрантов, оказавшихся в зоне действий советских войск, закончилась трагически в сталинском ГУЛаге. Однако проблески сведений о России-II, зарубежной, проникли в СССР.

С началом постсталинской оттепели и особенно после известного доклада Никиты

Хрущева на XX съезде КПСС в 1956 году начали появляться первые сведения о судьбе Российского Зарубежья. На родину возвратились некоторые известные и малоизвестные эмигранты, некоторые из них написали публицистические и мемуарные работы, подвергшиеся тщательной цензуре Главлита. Именно в этих условиях стали появляться первые исторические работы о русском рассеянии.

Первым отечественным историком, приоткрывшим завесу молчания, скрывавшую от нас правду об эмиграции, стал В. В. Колин. Еще подростком он пришел в отряд белорусских партизан под руководством будущего коммунистического лидера Белоруссии П. М. Машерова. Смелость и упорство в достижении поставленной цели, а также покровительство боевого друга, ставшего членом всесильного Политбюро ЦК КПСС (кандидатом в члены - ред. "Лебедя"), позволили В. В. Колину, выросшему до профессора, доктора исторических наук, ректора Калининского госуниверситета, первому написать последовательную (насколько это вообще было возможно в его время) историю белой эмиграции с 1917 года до конца Второй мировой войны. Конечно, с сегодняшних позиций, подавляющее большинство аргументов автора этих книг не выдерживает критики. Сама постановка проблематики истории Российского Зарубежья через призму неизбежной победы большевизма и краха контрреволюции не позволяла объективно взглянуть на исторический материал. Но безусловной заслугой В. В. Колина является прорыв исследовательской блокады эмигрантских тем, рассказ о фигурах умолчания из антибольшевистского лагеря, введение в советскую историографию работ эмигрантских авторов. В его трудах читатели впервые обнаружили упоминания о Русском зарубежном историческом архиве в Праге (РЗИА), вывезенном в 1949 году в СССР и хранившемся до той поры за семью печатями под странным названием "Коллекция ЦГАОР" в Центральном государственном архиве Октябрьской революции.

Вскоре эмигрантская тематика становится популярной среди историков. На базе Калининского госуниверситета проводятся большие научные конференции по истории белой эмиграции. Они стали заметной страницей в развитии отечественной историографии. Мысль о проведении в городе Калинин (ныне Твери) всесоюзных научных конференций родилась в начале 1970-х годов. В это время уже четко обозначились признаки стагнации советского общества. В среде ученых историков тогда уже достаточно определенно созрело осознание того, что важнейшей причиной застоя в жизни советского общества является партийный монополизм КПСС. Но открыто подвергнуть критике существовавшую политическую систему для подавляющего большинства было невозможно. Всем обществоведам были памяты гонения на ученых-историков в конце 1960-х – начале 1970-х годов. Научные конференции в Калинин стали для историков, задыхающихся в атмосфере апологетических идеологических мероприятий, глотком свежего воздуха. И город Калинин не случайно был избран местом проведения конференций. Он находился на пути из Москвы в Санкт-Петербург, фактически являлся пристольным, пригородным городом двух российских столиц. Это создавало не только благоприятные условия для встречи ученых крупнейших научных центров, но и позволяло скрываться от всевидящего цензурного ока в крупнейших научных и учебных центрах. Официальное одобрение инициативы периферийного вуза позволило расширить географические рамки приглашения участников конференций и увеличить размеры тиражей выпускаемой научной продукции. И если первые работы В. В. Колина выходили под грифом "Только для служебного пользования", то труды продолжателей разработки эмигрантской тематики уже выпускались большими тиражами и пользовались огромной популярностью. Конечно, в условиях коммунистической цензуры авторы были вынуждены писать об "АГОНИИ белой эмиграции", о "КРАХЕ русской контрреволюции за рубежом". Однако для меня, начинающего историка, как и для многих моих сверстников, тогда в этих длинных названиях ключевыми были другие слова – ЭМИГРАЦИЯ, АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИЕ ПАРТИИ и тому подобное. Введение в научный оборот все большего числа исторических источников и литературы из истории

Российского Зарубежья позволяло знакомить советских людей с ранее неизвестными страницами отечественной истории. Это не значит, что все проходило без трудностей. Помню, как в 1976 году, когда шло утверждение темы моего диссертационного сочинения, на кафедре, а потом и на ученом совете, высказывались опасения: является ли тема по истории белой эмиграции "диссертабельной", то есть можно ли будет ее выносить на защиту, не придется ли ставить гриф "Для служебного пользования" на тексте рукописи, а защиту проводить в "закрытом" заседании ученого совета.

В тогдашнем советском обществе был замечен явный интерес к эмигрантской тематике. Конечно, этот интерес официально объяснялся необходимостью изучения борьбы большевиков со своими идейными противниками. При этом нельзя забывать, что это происходило в обществе, где каждый пятый взрослый гражданин был членом КПСС, а каждый десятый сотрудничал со всесильным КГБ. Но все же это был уже другой, послесталинский мир. Гражданская война в России окончилась в 1953 году, а тремя годами позже – на XX съезде компартии – был подписан общий мир. Завеса сознательного забвения опустилась над той исторической полосой, где брат убивал брата за мировоззрение, где уничтожались классы и прослойки в слепой ли ярости, в ожидании ли чуда нового мира, в покорности ли вождю. Были диссиденты, были отказники, были шестидесятники, был академик Андрей Сахаров с его теорией конвергенции, само существование которых показывало, как далек СССР от демократии. Однако необходимо отдавать себе отчет в том, что в прежние, сталинские времена таких явлений вообще не могло быть – они были бы ликвидированы в зародыше, и никто бы даже не узнал об их существовании. "Пещерный коммунизм" был больше невозможен, а в недрах самого ЦК КПСС, особенно в идеологическом отделе (судя по современным данным), обсуждали, как добиться необратимости гуманистической эволюции правящей коммунистической верхушки. В этих условиях не только в широком общественном сознании, но и у теоретиков возникла потребность найти альтернативу общественного развития. И не случайно данные поиски привели к обращению к общественной мысли Российского Зарубежья. Складывалась новая ситуация, при которой не только общество, но и его идеологи, по-прежнему заявлявшие о приверженности коммунистическому мировоззрению, были готовы найти альтернативу коммунистической доктрине, в том числе и в эмигрантской общественной мысли.

Принципиально новая ситуация в сфере изучения русского рассеяния создалась в середине 1980-х годов, после провозглашения демократизации (но не демократии в западном ее понимании) и гласности (но не свободы слова) молодым коммунистическим лидером Михаилом Горбачевым. Постепенно стали открываться закрытые ранее архивные фонды и спецхраны библиотек, где была запрятана эмигрантская литература. Страна мучительно искала новые общественные образцы и новых героев в историческом прошлом. При этом взоры многих были обращены к Российскому Зарубежью.

Состояние российской исторической науки в деле изучения российской эмиграции за последние 10 лет воскрешает в памяти известные апории Зенона, где выпущенная из лука стрела не может настичь убегающего зайца, ибо последний за время полета стрелы успел продвинуться вперед, а Ахилл по той же причине никогда не догонит черепаху. Подобно этому и российским историкам никак не удастся достичь постоянно удаляющейся от них линии горизонта, где начинается объективно-научное знание.

Первоначально казалось, что достаточно просто расширить доступ исследователей в прежде недоступные для многих архивы и позволить всем обществоведам пользоваться материалами фондов специального хранения библиотек. Определенный эффект от такого расширения гласности был очевиден: только ленивый историк и издатель смогли устоять в годы публикаторского бума от соблазна стирания "белых пятен истории". Не верилось, что все это всерьез и надолго. Просто дух захватывало от ощущения, что мои студенты могли купить на любом книжном развале труды эмигрантских авторов, из-за которых мне приходилось мучительно пробираться в фонды специального хранения библиотек и

секретные фонды архивохранилищ. Вспоминается, как несколько месяцев в конце 1970-х годов я проходил проверку на благонадежность через первый (секретный) отдел, потом несколько месяцев с секретным допуском по форме № 2 ждал разрешения для работы в Центральном государственном архиве Октябрьской революции, где хранилась коллекция Русского зарубежного исторического архива, затем делал выписки из документов в пронумерованной и прошнурованной специальной тетради. Только после этого архивный цензор частично вырезала, частично заштриховывала тушью значительное большинство моих конспектов, после чего отправляла их спецпочтой в мой университет, где в спецотделе я мог лишь знакомиться с этими конспектами, но не имел права делать выписки. Из этой ситуации приходилось выходить при помощи обмана: между листами прошнурованной и пронумерованной тетради вставлялись копировальная бумага и чистые листы, а для того, чтобы милиционер на выходе их не обнаружил, надо было их прятать под рубашку. Даже проверенные на благонадежность историки не всегда оказывались кристально чистыми перед коммунистической властью: исследовательский азарт вынужденно дополнялся азартом конспиратора.

И вот пришли новые "перестроечные" времена, хотя никто не был уверен, что они пришли надолго. Поэтому многие стремились успеть взять как можно больше из архивов, спецхранов библиотек, превратившихся в залы литературы Российского Зарубежья, накапливали и подшивали "перестроечную" прессу, опасаясь, что вскоре она может очутиться под запретом. С одной стороны, у меня осталось более 70 толстых тетрадей конспектов эмигрантской литературы и выписок из эмигрантских документов, которые в те времена казались мне ценнейшим достоянием, а ныне служат напоминанием о том, как обстояло дело и чего мы все-таки достигли. С другой стороны, многие из переизданий эмигрантской литературы и архивные фонды стали общедоступными, а в некоторых случаях и непременными атрибутами "домашних книжных полок", и моя коллекция выписок уже не представляет ценности как уникальный источник информации. Тогда соединение документов и материалов Российского Зарубежья с уже выявленными мною ранее историческими источниками советско-коммунистического происхождения представлялось мне огромным, сложным механизмом, где "зубчики" фактов и "колесики" аргументов позволяли ожить сложной исторической картинке. Идя в колоннах демонстрантов-демократов, читая оппозиционную прессу, присутствуя на многочисленных демократических митингах, я ощущал себя не только современником широких социальных потрясений конца 1980-х – начала 1990-х годов, но и словно слышал музыку исторических вихрей 1917-го и последующих годов, представлял себя на месте интеллигента того времени.

Но вскоре оказалось, что введение в научные публикации новых архивных документов и спецхрановских материалов не внесло принципиальных изменений в наши представления об истории эмиграции, ибо почти все исторические поиски велись на основе прежней ленинско-большевистской парадигмы. Тогда "перестроечные процессы" в области идеологии озаменовались "очищением ленинского представления о социализме от накипи сталинизма". От "очищения социализма" постепенно перешли к поискам "новых, современных представлений о социализме", которые велись на основе трудов Я. Э. Рудзутака, Н. И. Бухарина, Л. Д. Троцкого и прочих большевиков-ленинцев, где неожиданно обнаружились и попытки компромисса с эмиграцией. Особенно быстро на новую ситуацию отреагировали культурологи и филологи: в популярных тогда "толстых" журналах появляется огромное количество публикаций, где все настойчивее проводится мысль, что истинная русская культура, истинный русский язык, истинная русская литература и так далее сохранились только в рассеянии, а в условиях советской власти они были уничтожены.

Однако и на этой ступени исследовательского поиска отечественная историография продержалась недолго. Восторжествовали идеи плюралистического поиска нового облика СССР, облика не только настоящего и будущего, но и невостребованного прошлого

страны. В поисках нового прошлого, соответствующего "перестроечному" настоящему, советские обществоведы вспомнили о поисках третьего пути между красными и белыми у сменовеховцев и евразийцев; потом заговорили об актуальности трудов Н. А. Бердяева и других эмигрантских мыслителей. От робких публикаций выдержек из их произведений в "толстых" журналах постепенно перешли к изданию избранных, а потом и полных собраний сочинений. Не ссылаться теперь на Н. А. Бердяева, Г. П. Федотова, И. А. Ильина и других эмигрантов в исторических публикациях стало теперь так же недопустимо, как еще недавно нельзя было что-либо опубликовать без ссылок на труды Маркса, Энгельса, Ленина и официально признанных "маститых" красных академиков. К началу 1990-х годов советское общество уже было готово отбросить коммунистические и примиренческие идеи и отдаться еще недавно отвергавшимся "идеалам капитализма". Было забыто, что эпитет "белоэмигрантский" еще недавно означал "предательство Родины", худшее из всех предательств. Специальные библиографические указатели не успевали отслеживать материалы о "возвращении на родину" Зарубежной России. Многие в данной акции "возвращения" несло в себе конъюнктурные черты и могло казаться "новой страницей" в историописании лишь тем, кто не был знаком с общедоступными исследованиями советских историков. Прошло несколько научных конференций по истории и культуре русского рассеяния. Общепринятыми стали заявления о том, что только в эмиграции сохранились истинные русские культурные ценности, "настоящая Россия". Повышенный интерес к эмигрантской тематике вызвал публикаторский всплеск.

Наиболее показательными в обширном списке литературы конца 1980-х – начала 1990-х годов являются работы В. В. Костикова и М. В. Назарова, ставшие в одночасье отечественной классикой по истории Российского Зарубежья, что заставляет сказать о них особо. То, что книга В. В. Костикова стала популярной по старой отечественной традиции, во многом может быть объяснено должностью автора: он занимал тогда пост пресс-секретаря президента Б. Ельцина. Отечественные исторические журналы отвергали любые критические отзывы о книге высокопоставленного публициста. Для меня как исследователя истории Российского Зарубежья все же до сих пор остается непонятно, как В. В. Костиков, проживший около пятнадцати лет в Париже в качестве специального корреспондента советского Агентства печати "Новости" при ЮНЕСКО, смог умудриться не посетить французские архивы, не перелистать страницы газет и журналов того времени, а написать свою книгу лишь на основе хорошо известных публикаций эмигрантских авторов. Конечно, подобный подход возможен для публицистов, но автор заявил о своей книге как о "первом объективном исследовании по истории российской эмиграции", с чем трудно согласиться. При этом В. В. Костиков, как правило, лишь пересказывает с театральной экзальтацией исторические сюжеты, объективность изложения которых в известных источниках неоднократно была уже подвергнута критике историками-профессионалами.

Подобное недоумение вызывает и нашумевшая книга М. В. Назарова, бывшего советского переводчика в Алжире, после ставшего невозвращенцем и более семнадцати лет проработавшего на радио "Свобода" в Мюнхене. В его издании также нет архивных документов и материалов периодики 1920-х – 1930-х годов, но есть пространные рассуждения о жидо-масонах в русской истории, в том числе и в Российском Зарубежье.

Постепенно, вслед за публицистическими работами, претендующими на научнообъективный взгляд, появились и серьезные исторические исследования. Здесь можно выделить три направления исследований: русское рассеяние в контексте истории и культуры страны обитания; причины беженства в разные периоды истории Российского Зарубежья; эмиграция с точки зрения ее "самоистории": структура, динамика, география, "волны", социальный портрет, судьбы лидеров политической, военной, культурной эмиграции, социальные группы (интеллигенция, ка-зачество и другие) и так далее. Появились первые энциклопедии и энциклопедические словари, отражающие историю Российского Зарубежья. Здесь безусловно выделяется энциклопедическое издание

"Русское Зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь" (М., 1997). Он включает в себя свыше 400 биографий выдающихся представителей русской эмиграции первой трети XX века. Это выдающиеся ученые, представляющие различные отрасли науки, писатели и художники, деятели культуры и искусства, иерархи православной церкви. Не все статьи данного издания равноценны по информационной насыщенности. Трудно согласиться и с названием этого масштабного тома: во-первых, задуманная в рассеянии энциклопедия "Золотая книга" (председателем комиссии по ее изданию был Д. П. Рябушинский, секретарем – П. Е. Ковалевский) предполагала всесторонний охват деятельности эмигрантов, а не только развернутые биографии, во-вторых, словарь было бы точнее назвать просто биографическим, а не "энциклопедическим биографическим". Тем не менее ценность данного издания и в том виде, в каком оно появилось на свет, несомненна.

Появился и первый том "Литературной энциклопедии Русского Зарубежья (1918 – 1940)" (М., 1997). В нем представлены статьи о наиболее значительных писателях и критиках, эмигрировавших или высланных из России после большевистского переворота. Некоторые из них вернулись позднее в СССР и стали советскими писателями или, напротив, погибли, были расстреляны. Во второй том планируется включить сведения о литературных центрах и периодических изданиях русского рассеяния "первой волны", а в заключительный третий том войдут сведения о важнейших книгах прозаиков, поэтов, критиков и мемуаристов русской межвоенной эмиграции.

В изучение истории Российского Зарубежья значительный вклад вносят филологи, культурологи, литературоведы, философы и представители других гуманитарных наук. Порой они объединяют свои усилия для выпуска какого-либо сборника, справочника или для проведения конференции. Но чаще всего их усилия разобщены, до сих пор нет единого координирующего центра, направляющего деятельность специалистов разных дисциплин, а также объединяющего научные изыскания как в самой России, так и за ее пределами, хотя предложения о необходимости создания подобного центра звучат все настойчивее.

Однако нельзя пройти мимо важного факта: продолжавшееся почти три четверти века положение, при котором история "России вне границ" табуировалась или подвергалась остракизму, завершилось. Имена и дела эмигрантов стали известны и специалистам, и рядовым россиянам. Правда, популярные в 60-80-е годы советские исследования А. Л. Афанасьева, Г. Ф. Барихновского, В. В. Комина, Ю. В. Мухачева, В. В. Сониной, Л. К. Шкаренкова и других в 1990-е годы были забыты. Это позволило новым авторам использовать уже привлеченные ранее в исследованиях источники в качестве вновь вводимых в научный оборот. Мне приходилось сталкиваться с работами молодых авторов, где упреки историкам прошлых лет в конъюнктурности и ангажированности соседствовали со ссылками на исторические документы и факты, введенные в исторический оборот в исследованиях все тех же советских историков.

В этой связи приходится согласиться с мнением известного отечественного историка В. И. Миллера: "На смену постепенному освобождению от исторических оценок, не выдержавших проверки всей совокупностью накопленных фактов, пришел поддержанный частью историков отказ не только от значительной части накопленных исторической наукой наблюдений и выводов, но и от хорошо известных фактов. Новые подходы, несомненно, расширили круг проблем, рассматриваемых историками, ввели в него ряд ранее табуированных тем... Однако, мы пока не продвинулись вперед ни в познании общих закономерностей исторического процесса, ни в осознании событий, которые определяли ход истории. В этих условиях, видимо, следует разобраться, не "вылили ли мы с грязной водой и ребенка", иначе говоря, не привел ли радикальный отказ от применявшихся ранее подходов и методов к известному торможению в исторической науке".

При этом необходимо учитывать и то обстоятельство, что многочисленная армия

обществоведов-марксистов после 1991 года оказалась не у дел: изучение и преподавание истории КПСС, политэкономии социализма, основ марксизма-ленинизма, научного коммунизма было запрещено. Поэтому вчерашние наиболее рьяные адепты марксизмаленинизма, и пальцем не шевельнувшие для его защиты в августовские дни 1991 года, в одночасье перекрасились в непримиримых противников коммунизма. Но незнание иностранных языков и сложность выбора новой исследовательской тематики заставили их обратиться к истории "антисоветской" эмиграции. Так, на волне всеобщего интереса к прежде закрытой тематике они, используя историю Российского Зарубежья в качестве своеобразного троянского коня, победно въехали в число современных "демократических авторов" (в последнее время в публицистике их называют восьмидесятами, таким образом противопоставляя их "шестидесятникам", наивно желавшим во времена хрущевской оттепели демократизировать социализм).

Важным подспорьем в трудах как новых эмигрантоведов и эмигрантолюбов, вчерашних специалистов по вопросам коммунистического строительства и социалистического соревнования, так и тех, кто продолжал свои многолетние исследования, стали авангардные исследования эмигрантских и зарубежных ученых. Но, если еще недавно работы Бориса Николаевского, Глеба Струве, Петра Ковалевского, Марка Раева, Роберта Вильямса, Ганса фон Римши, Ганса Фолькмана, Мишель Бейсак, Людмилы Фостер, Лазаря Флейшмана и ряда других допускалось использовать только для критики "буржуазных фальсификаторов", то теперь был по заслугам оценен их первооткрывательский вклад в изучение важной и сложной эмигрантской проблематики.

При этом необходимо признать, что отличительной чертой исследований по истории эмиграции, выходящих сегодня в России, является трудность в определении, какие источники здесь впервые вводятся в научный оборот, какие выводы носят самостоятельный характер, в чем принципиальная новизна научного поиска их авторов. В этой связи знаменательно высказывание германского профессора Карла Шлегеля, руководителя федеральной программы "Русская эмиграция в Германии в межвоенный период", отметившего, что "переосмысление истории эмиграции должно быть чем-то отличным от простой переоценки ценностей и знакового опрокидывания. Это должна быть работа, ставшая возможной в результате ослабления идеологического диктата, принуждающего к разоблачению одной стороны и самооправданию другой, когда не останется ничего другого, как сообщать о том, как это было или могло бы быть".

Существовавшие как бы в двух плоскостях отечественные и эмигрантско-зарубежные исследования буквально на наших глазах пересеклись с выходом в России на русском языке книги М. И. Раева "Россия за рубежом" (М., 1994). Эта работа по истории культуры Российского Зарубежья подвела своеобразный итог эмигрантско-зарубежным научным изысканиям, четко очертила рамки проведенных и будущих культурно-исторических исследований, ознакомила с ними отечественную общественность. И хотя, безусловно, вне России исследования истории российской эмиграции будут продолжаться, стало ясно, что и здесь ученые не смогли достичь границы, где начинается объективно-научное знание.

Одновременно в России, отказавшись от ленинско-коммунистической парадигмы, российские исследователи лишь усилили осознание совершенно очевидной "парадигмальной ломки" (Б. М. Могильницкий) и "историографической революции" (М. А. Барг), происходящих в последние десятилетия во всей мировой исторической науке. И для того чтобы осознать смысл происходящих перемен, необходимо преломить новейшие подходы в историописании через собственные научные разработки.

Современная ситуация в отечественной историографии Российского Зарубежья воскрешает рассуждения В. Франкла о детерминизме и индетерминизме: "Фактически мы живем во времена научного плюрализма, когда отдельные науки представляют реальность столь различно, что картины противоречат друг другу. Однако я убежден, что эти противоречия не противоречат единству реальности. Чтобы показать это, вспомним, что

каждая наука дает, так сказать, сечение реальности". И далее В. Франкл на основе геометрической аналогии показывает, что два ортогональных сечения цилиндра в одном случае представляют его горизонтальное сечение как круг, а в другом вертикальное сечение – как квадрат. Мне представляется, что наши современные знания по истории русского рассеяния напоминают ортогональные сечения объекта исследования: в одном случае у нас получался в марксистско-коммунистическом сечении "круг", теперь в антимарксистском и антикоммунистическом сечении четко вырисовывается "квадрат". При этом сам объект исследования теряет свою голографичность, объемность.

Скорее всего, это происходит из-за того, что мы имеем дело с манихейским сознанием и манихейскими нравственными ценностями, когда мир строго делится на свет и тьму, на правильное и ложное, на "своих" и "чужих". Подобное противостояние уже было отмечено российскими мыслителями как одно из архетипических русских явлений. Изменение нравственных ориентиров в российском обществе первой трети XX века привело к обострению данных архетипических черт. Манихейство стало типичным не только у красных, но и у тех, кто оказался в белом стане. Несмотря на идейно-политические различия, достаточно частым сделался поиск врага среди ближайшего окружения.

Возможно, что ответ на вопрос о причине подобного манихейского взгляда на то или иное явление следует искать в истории психологии русского народа. Как отмечал М. Раев, еще в России XVIII века заметен "манихейский взгляд на мир: с одной стороны, Святая Русь, с другой – все остальные, иностранцы, враги по определению. Принять иные нормы, новшества, поставить под сомнение устойчивые традиции или погрешить против них сомнением значило поставить себя вне московского закона (в прямом и переносном смысле). О последствиях такого решения свидетельствуют перемены в наименованиях: так, соратники Хованского или Шакловитого после признания их предателями теряют свои обычные имена и фигурируют под уменьшительными именами в сопровождении бранных эпитетов, которые выступают напоказ их опалу и изгнание из русского общества. Словесная необузданность, которая сегодня может нас шокировать, выполняла роль предохранительного клапана, позволявшего разрешать и устранять конфликты, не прибегая к политическому насилию; набор словесных оскорблений помогал снять напряжение, способное разрушить само общество". Современные лингвисты выявили ряд причин, вызывающих к жизни инвективу как орудие политического спора. В частности, это может быть выражение фрустрированности, выражение собственного превосходства, выражение мести и, что особенно интересно, выражение определенного тяготения к логике оппонента (в терминологии Г. Кастильо и У. Дару (1978), это "активно-конструктивный механизм привлечения внимания"): "отойди от меня, ты мне слишком нравишься"; автор инвективы подсознательно ощущает правоту другой стороны и именно поэтому грубо обрушивается на нее. В этом случае комплекс неполноценности закономерно перерастает в комплекс превосходства.

В настоящее время, при серьезных потрясениях в российском обществе конца XX века, многие историки и другие обществоведы, находящиеся в плену обыденного политического сознания, также пытаются применить манихейский подход к истории и современности. При этом в поисках нравственных ориентиров в конце 1980-х – начале 1990-х годов наши соотечественники достаточно часто обращаются к прошлому или инокультурному опыту, не задумываясь о том, насколько данные нравственные ориентиры подходят современной России. И вновь применяются манихейские методы: малейшая критика "демократических" лидеров или отсутствие негативной оценки коммунистического режима автоматически приводит к приклеиванию "красно-коричневого" ярлыка. Снова предлагается "непримиримая борьба", традиционное деление на "своих" и "чужих". При этом современные антикоммунистические идеологи применяют коммунистические методы идейно-политической борьбы в посткоммунистическом обществе.

Подобная манихейская статичность, на мой взгляд, грозит новыми обострениями социальных противоречий. Опыт начала XX века, включающий и опыт Российского Зарубежья, показывает необходимость отказа от противостояния, противопоставления в российском обществе. И здесь недостаточно провозгласить день или год "согласия", как это сделал своим указом Президент Российской Федерации Борис Ельцин. Требуется пробить стеклянный потолок манихейского сознания в российском обществе. Важная роль здесь принадлежит исторической памяти: недопустимо, как мне кажется, говорить об однозначно "верных" и "неверных" позициях той или иной стороны. Поражения белых и красных в XX веке должны научить тому, что не бывает и не может быть победителей в гражданских междоусобицах, ибо и победители, и побежденные продолжают искать врагов в своем стане. Различия могут лишь касаться интенсивности и жестокости данных поисков.

Исторический опыт нашей страны, в том числе Российского Зарубежья, призывает историков отказаться от позиции знатоков истины в последней инстанции, признав ограниченность самого понятия "истины", когда речь идет не о количественных данных, а об истории и живых людях – и субъектах, и объектах исследования.